

Осколки твоего отражения

Некрасов Андрей

18+

Андрей Некрасов

Осколки твоего отражения

<https://litres.ru/74460904>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она потеряла всё. Он потерял смысл жить. Их свела буря — и заперла в доме, где стены помнят слишком много.

Вера Соколова, талантливый реставратор, соглашается на странный заказ: восстановить фрески в уединённом особняке на берегу Балтийского моря. Условие — полная изоляция. Но она не знает, что хозяин дома — Ян Бельский — мужчина со шрамом через всё лицо и бездной в серых глазах. Он ненавидит людей. Он не ждал гостей. И он точно не ждал её.

Мост размыт, шторм не утихает, и им придётся делить пространство. Западное крыло закрыто на замок. В мастерской — сотни картин. На каждой — она. Вера, которую он никогда не видел. Вера, которую не может забыть.

Он груб. Она горда. Между ними — искры, которые обжигают. И тайна, которая может разрушить их обоих.

Это история о двух осколках, которые находят друг друга в темноте. О боли, которая делает нас монстрами. О любви, которая возвращает нам отражение.

«Я не могу тебя отпустить. Прости».

Все изображения сгенерированы в SyntxAI

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Андрей Некрасов

Осколки твоего отражения

Глава 1

Шторм начался за час до того, как таксист отказался ехать дальше.

— Дальше — сами, — буркнул он, глядя на навигатор так, будто тот его лично оскорбил. — Там дорога размыта. Я не самоубийца.

Вера Соколова молча расплатилась. Спорить не было сил. Она вышла в холодный балтийский ветер, который тут же забрался под тонкое пальто, и посмотрела на лес, стеной стоявший у обочины. Где-то за этими соснами, по словам заказчика, находился особняк, в котором ей предстояло провести ближайшие три месяца.

«Уединённое место. Идеально для работы. Никаких гостей, никакой связи, только вы и стены, которые нужно вернуть к жизни».

Вера усмехнулась. Стены. Всю жизнь она возвращала к жизни чужие стены, чужие лица, чужие истории. А свою собственную жизнь вернуть к жизни не получалось.

Телефон показывал одну полоску сигнала. Она попробовала набрать номер заказчика — мужской голос на том конце

провода был сух и деловит, — но гудки утонули в шипении помех. Ладно. Значит, пешком.

Дорога действительно оказалась размыта. Вера шла по грязной колее, придерживая сумку с ноутбуком и красками, и с каждой минутой всё сильнее проклинала себя за то, что согласилась на эту авантюру. Но выбора не было. После скандала, который разнёс её имя по всем новостным лентам, заказы иссякли. Друзья отвернулись. Жених — теперь уже бывший — прислал короткое сообщение: «Извини. Моя репутация важнее».

Три месяца назад Вера была восходящей звездой реставрации. Сегодня — «мошенницей», «подделывательницей», «той самой Соколовой». Никто не слушал её объяснений. Никто не хотел знать, что картина, которую она якобы подделала, была подлинником, а подставу устроил тот, кому она отказала.

Деревья расступились, и Вера замерла.

Особняк стоял на скале, нависая над бушующим морем. Тёмный камень, высокие окна, увитые плющом стены. Он выглядел как декорация к готическому роману — и одновременно как место, где можно спрятаться от всего мира. Волны с грохотом разбивались о камни внизу, и брызги долетали почти до крыльца.

Вера поднялась по каменным ступеням и трижды ударила в массивную дверь. Ответа не последовало. Она толкнула дверь — та поддалась, тяжело и неохотно, будто сам дом не

хотел пускать её внутрь.

В холле было темно и холодно. Пахло пылью, старым деревом и — слабо — скипидаром. Вера сделала шаг, другой. Её шаги гулко отдавались в тишине.

— Есть кто-нибудь? — позвала она.

Тишина. Только ветер выл за окнами.

Она прошла дальше, вглубь дома. Гостиная с камином, затянутым паутиной. Библиотека, где книги стояли так плотно, что не было видно стен. И везде — картины. Тёмные, тяжёлые, в золочёных рамах. Вера машинально отметила: конец девятнадцатого века, возможно, передвижники. Рука сама потянулась к одной из них.

— Не трогать.

Голос прозвучал так внезапно, что Вера вздрогнула. Она обернулась.

В дверном проёме стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, в тёмной рубашке с закатанными рукавами. Свет из окна падал на его лицо — и Вера на секунду потеряла дар речи. Левую половину лица пересекал шрам: от виска через щёку, до самой челюсти. Кожа вокруг него была стянутой, бледной, будто восковой. Но не это заставило Веру замереть. Глаза. Серые, почти прозрачные, они смотрели на неё с такой ледяной яростью, что по спине пробежал холодок.

— Я... я Вера Соколова, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Меня наняли для реставрации фресок. Я звонила, но...

— Убирайся.

— Что?

— Убирайся. Немедленно. — Он шагнул вперёд, и Вера инстинктивно отступила. — Кто бы тебя ни прислал, мне плевать. Я не заказывал реставраторов. И журналистов здесь не принимаю.

— Я не журналист, — Вера подняла подбородок. — Я реставратор. Меня нанял...

— Мне всё равно, кем тебя наняли. — Он подошёл ещё ближе, и теперь она чувствовала запах виски и дыма. — Этот дом — частная территория. Убирайся, пока я не вызвал полицию.

Вера сжала кулаки. Три месяца унижений, три месяца молчания, три месяца попыток не сломаться — и вот теперь этот человек смотрит на неё как на грязь под ногами.

— Послушайте, — сказала она тихо, но твёрдо. — Я не знаю, кто вы такой. Но я ехала сюда шесть часов. Мост размыло. Такси уехало. На улице шторм. И я никуда не пойду, пока не поговорю с хозяином дома.

Что-то мелькнуло в его глазах. Что-то похожее на... удивление? Или на ярость, которая стала ещё глубже.

— Хозяин дома, — повторил он медленно, — это я. Ян Бельский. И я повторяю в последний раз: убирайся.

Вера открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент за окнами полыхнула молния, и свет погас. Дом погрузился в темноту. Только где-то в глубине, наверху, слабо мерцала свеча.

Ян выругался сквозь зубы.

— Отлично, — сказал он в темноту. — Просто отлично.

Вера стояла, не двигаясь. Сердце колотилось где-то в горе. Она слышала, как он дышит — тяжело, раздражённо. Слышала, как море бьётся о скалы внизу. И понимала: она застряла. В этом доме. С этим человеком.

— Мост размыло, — повторила она, и голос её прозвучал почти жалко. — Я не могу уйти.

Тишина. Долгая, звенящая.

Потом — шаги. Ян подошёл так близко, что она почувствовала тепло его тела. В темноте она не видела его лица, только силуэт.

— Если ты останешься, — сказал он глухо, — ты не выйдешь из западного крыла. Никогда. Ты не будешь задавать вопросов. Ты не будешь трогать мои вещи. И ты не будешь попадаться мне на глаза. Поняла?

Вера сглотнула.

— Поняла.

Он молчал так долго, что она уже решила, что он ушёл. Но потом услышала:

— На втором этаже есть свободная комната. Вода в колодце, еда в кладовой. И держись подальше от моей мастерской.

Шаги удалились. Вера осталась одна в темноте, прижимая к груди сумку с красками, и слушала, как шторм бьётся в окна старого дома.

Она не знала, что в этот момент Ян Бельский стоял в сво-

ей мастерской, у зажжённой свечи, и смотрел на холст, на котором было нарисовано женское лицо. Лицо, которое он видел однажды — на фотографии в новостях, три месяца назад. Лицо женщины, которую обвинили в подделке.

Лицо, которое он не мог забыть.

Он провёл пальцами по краю холста и прошептал:
— Кто ты, черт возьми, такая?

Конец первой главы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.